

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Information about the author

Litvintseva Natalia Yurievna – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УДК 343.131

Р.В. Мазюк

ПЕРЕВОД НА ЯЗЫК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЕГО УЧАСТНИКОВ*

В статье анализируются проблемы привлечения и участия переводчика в российском уголовном судопроизводстве, требования к нему как к участнику процесса, а также к его компетентности. Надлежащий перевод в уголовном судопроизводстве является эффективным средством защиты прав и процессуальных интересов подозреваемого, обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства; перевод; процессуальный интерес; участники уголовного процесса; свободное владение языком; родной язык.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

R.V. Maziuk

THE TRANSLATION INTO THE LANGUAGE OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS AS A MEANS OF PROTECTION PROCEDURE INTERESTS OF ITS PARTICIPANTS

The article analyzes the problems of the involvement and participation of the translator in the Russian criminal proceedings, claims him as a participant in the process, as well as to his competence. A proper translation in criminal proceedings is an effective means of protection proceedings, the interests of the suspect, accused and other participants in criminal proceedings.

Keywords: language of criminal proceedings; transfer; procedural interest; the participants of the criminal process; fluency in Russian; native language.

По данным переписи населения 2010 г. Россия является одним из самых многонациональных государств мира: на его территории проживают представители свыше 160 национальностей. Между тем из 143,4 млн проживающих в России человек русским языком владеют 137,5 млн, то есть почти 6 млн человек на территории России русским языком не владеют [21].

В 2014 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 44,4 тыс. преступлений, что на 5,4 % меньше, чем в 2013 г., а в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства количество возросло на 6,1 % и составило 14 тыс. преступлений [22].

Мировой опыт демонстрирует, что трудности судебного перевода поистине являются глобальной проблемой, при этом за границей положение значительно хуже, чем в России, где миграция еще не достигла критического уровня. Структура языков, востребованных в уголовном судопроизводстве, отличается пестротой и структурной неустойчивостью. К примеру, в Бюро переводов при районном суде Южного района Нью-Йорка за период с 2001 по 2011 г. было зарегистрировано 61 566 обращений по поводу 65 языков и диалектов. Среди них число обращений за языками: испанским – 49 052; китайским – 5 537; русским – 1 383; арабским – 1 191; корейским – 595.

Языки французский, урду, пенджаби, иврит, пушту, албанский, сомалийский, бенгальский, португальский, турецкий, немецкий требовались от 450 до 100 раз. Языки итальянский, греческий, японский, вьетнамский, индонезийский, персидский, украинский, литовский, тайский и ряд других использовались от 100 до 1 раза [7].

Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию» [16] отмечает, что «когда одна из сторон процесса не обладает достаточным знанием языка, на котором ведется судопроизводство, государство должно обратить особое внимание на проблему устного и письменного перевода и обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» (п. 6).

В российском законодательстве институт переводчиков имеет давнюю историю. Официальное зарождение данного института относят ко времени правления Петра I: созданная по его указу Академия наук стала ведущим переводческим центром того времени. В ходе правления Екатерины II каждый переводчик, работавший на государство, принимал присягу [4, с. 90].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предписывал: «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашать лицо, сведущее в этом языке» (ст. 410). Аналогичные положения применялись и при допросе свидетелей, а также «при снятии показаний с немых» (ст. 450). В стадии судебного разбирательства действовало требование о том, что переводчик должен был назначаться «из лиц, имеющих качества достоверных свидетелей» (ст. 579). Переводчики и «толмачи», призываемые к судебному следствию, приводились к присяге «тем же порядком, как и свидетели (ст. 713–717), в верной передаче вопросов и ответов чрез них объясняемых» (ст. 730).

Нормативные положения об участии переводчика по уголовным делам содержались в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г., УПК РСФСР 1922 г., 1923 г. и 1960 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 18 УПК РФ участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяс-

нения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

В толковом словаре под языком понимается исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе [19, с. 917]. По обоснованному мнению А.С. Александрова, «язык уголовного судопроизводства – это *подязык* естественного языка, вторичная моделирующая система» [2, с. 11]. С морфологической, словообразовательной, синтаксической, лексической точки зрения язык уголовного судопроизводства тождественен национальным языкам, языкам общения людей. Наибольшее его отличие от языка общения заключается в семантике, отвечающей за смысловое значение единиц языка, что выражается в наличии в языке уголовного судопроизводства специальной юридической терминологии.

В этой связи Г.П. Саркисянц отмечает, что «владеть языком судопроизводства – значит свободно понимать данный язык во всех его нюансах, без всяких затруднений изъясняться на нем по любым вопросам, возникающим в ходе процесса. Закон подразумевает под владением языка именно активное знание его и умение свободно объясняться на этом языке» [20, с. 24].

Конституционный Суд РФ по этому поводу определил, что суд, разъясняя сторонам их права и обязанности, создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав и разрешая заявленные ими ходатайства, должен удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей [18].

Следует согласиться с утверждением Т.Ю. Вилковой о том, что для оценки уровня владения языком уголовного судопроизводства необходимо учитывать «язык, который для участника уголовного судопроизводства является родным, его место рождения и жительства, длительность проживания на территории Российской Федерации, получение образования в образовательном учреждении, преподавание в котором ведется на соответствующем языке, место и характер рабо-

ты, язык общения с родственниками, знакомыми, коллегами и другие обстоятельства» [6, с. 90].

Например, в своей жалобе в Конституционный Суд РФ гражданин А.С.-М. Сурхоев оспаривал конституционность ст. 18 УПК РФ. Из представленных материалов следовало, что А.С.-М. Сурхоев в ходе судебного заседания по его уголовному делу заявил ходатайство о допуске к участию в деле переводчика с чеченского языка на русский язык. В удовлетворении ходатайства было отказано со ссылкой на то, что обвиняемый является гражданином Российской Федерации, окончил пять курсов Чеченского государственного университета, в котором преподавание осуществлялось на русском языке, долгое время проживал на территории Свердловской области, в ходе предварительного следствия ему разъяснялось право на помощь переводчика, от которой он отказался, данные им на предварительном слушании и в начале судебного заседания пояснения, а равно имеющиеся в деле документы свидетельствовали о том, что А.С.-М. Сурхоев владеет русским языком в полном объеме и без каких-либо ограничений. Конституционный Суд РФ отметил, что оспариваемая норма не может расцениваться как нарушающая права заявителя [18].

Как справедливо указывает Е.П. Гришина, термин «недостаточно» применительно к владению языком – «абстрактное понятие. Дело в том, что лицо может свободно изъясняться на языке, но не владеть навыками письменной речи, знать разговорную речь, но не владеть специальной терминологией. Иногда уровень знания языка зависит от возраста потерпевшего (ребенок, подросток, пожилой человек и т. п.)» [10, с. 174]. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет следует признавать лицом, недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу. С другой стороны, очевидно, что ограниченность владения языком уголовного судопроизводства у такого лица обусловлена низким уровнем его интеллектуального и психического развития, и, несмотря на то, что язык уголовного судопроизводства для малолетнего является родным, пользоваться им полноценно ребенок пока возможности не имеет.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, понятие «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкрет-

ного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике [17]. В подтверждение данной позиции в научной литературе приводится следующий, как представляется, удачный пример: «по уголовному делу 3-269/2011, находящемуся в производстве подразделения дознания Шереметьевской таможни, гражданин Италии М. заявил, что не нуждается в услугах переводчика, так как имеет бизнес в России и общается с партнерами на русском языке, но грамотно, понятно и лингвистически точно давать показания смог только на английском и итальянском языках» [9, с. 45]. Поэтому О.И. Александрова обоснованно полагает, что «заявление лица (главным образом иностранца) о желании давать показания без переводчика не является обязательным для лица, ведущего расследование. Иностранец может явно переоценивать свои знания» [3, с. 45].

Основной язык общения людей – их родной язык. По обоснованному мнению Е.П. Гришиной, родной язык – язык, на котором человек произносит свои первые в жизни слова, на котором говорят его родители или лица, их заменяющие, язык этнической группы, нации, народности. Этим языком, по крайней мере, на разговорном уровне каждый человек владеет в совершенстве [10, с. 23].

Русский язык является родным для 77 % проживающих на территории Российской Федерации граждан [21]. Между тем, как верно замечает В.Ю. Стельмах, «многие граждане РФ, для которых русский язык является родным, не обладают глубокими знаниями в области филологии и лингвистики. Однако закон не требует предоставления им соответствующего специалиста, поскольку для участия в уголовном судопроизводстве необходимо, чтобы лицо знало язык на разговорном уровне. Этого вполне достаточно для понимания сущности выдвинутого подозрения или обвинения и изложения своих доводов против него» [23, с. 193].

На Юге России трудно найти и привлечь к участию в уголовном судопроизводстве переводчиков с цыганского, сванского, мегрельского, чувашского, чеченского, ингушского, езидского, литовского, эстонского, чешского, сербского, гагаузского, молдавского, тайского, финского, даргинского, черкесского и других редких языков.

Так, по результатам проведенного А.В. Винниковым исследования в 2003–2011 гг. в органах наркоконтроля самыми востребованными были переводчики с цыганского языка различных диалектов (80 % от всех запросов на услуги переводчика). В цыганском языке

существуют многочисленные диалекты, существенно различающиеся друг от друга: руска рома, влашский, ловарьский, крымский, кэлдерарский (котлярский) и др. Всего специалисты выделяют 33 разновидности цыганского языка. Так, в цыганском языке имеются заимствования из персидского (фарси), армянского, греческого, румынского, немецкого, польского, украинского, русского и ряда других языков. Таким образом, общего для всех цыган языка не существует. К этому добавляется еще одна проблема: убежденность цыган в том, что переводчик в уголовном процессе – это помощник враждебного им государства, который облегчает вынесение цыганам обвинительных заключений предварительного следствия и приговоров судов. В результате право обвиняемых и подсудимых цыган знать, в чем их обвиняют, может быть обеспечено наихудшим образом по сравнению с другими народами Российской Федерации [8, с. 31–32].

Показательным в этой связи является пример по уголовному делу в отношении полуграмотной цыганки Сары Оглы. Более двух лет суды Мордовии не могли вынести ей приговор, так как не находили переводчика с крымско-цыганского языка. Дело осложнилось заключением Института языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовии, в котором содержался вывод о том, что обвинительное заключение цыганке невозможно написать на цыганском языке, поскольку письменности у кочевого народа нет, а передать юридические термины средствами кириллицы невозможно. В результате следствие переквалифицировало обвинение с ч. 2 ст. 186 УК РФ «Сбыт поддельных банковских билетов в крупном размере» на ч. 1 данной статьи. Сразу после этого обвиняемая начала понимать русский язык, заявив, что «ей все ясно без переводчика». В результате она получила условный срок и была освобождена по амнистии [7].

Переводчик как участник уголовного процесса, обеспечивающий реализацию принципа языка уголовного судопроизводства, – это лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода (ч. 1 ст. 59 УПК РФ).

В научной литературе существует мнение, что по своей процессуальной природе переводчик является разновидностью специалиста [1, с. 63]. Так, С.П. Щерба полагает, что «по точному смыслу, переводчик – это специалист в сфере языкознания, поскольку функцию перевода с одного языка на другой и обратно может выполнять не любой гражданин, а только лицо, обладающее специальными познания-

ми, т. е. свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [26, с. 63]. С данным мнением можно согласиться по той причине, что переводчик осуществляет содействие следователю в закреплении такого вида доказательств, как показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, что в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ является одной из задач специалиста.

Как отмечается в научной литературе, «перевести – значит выразить полными, верными и правильными средствами одного языка ту информацию, те сведения, которые уже были выражены до этого средствами другого (иностранного) языка, которым не владеют участники уголовного судопроизводства» [24, с. 187]. Важнейшим условием возможности осуществления перевода содержания процессуальных действий и документов, по обоснованному мнению О.Ю. Кузнецова, является свободное владение лицом, привлекаемым к разбирательству по делу в качестве переводчика, как минимум двумя языками – языком судопроизводства (как правило, русским языком) и родным языком участника уголовного процесса, не владеющего языком судопроизводства (равно как иным языком, который он свободно избрал для общения в рамках предварительного расследования) [14, с. 52–53].

В соответствии с ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь, привлекая переводчика к участию в производстве по уголовному делу, должен удостовериться в его компетентности.

Так, О.Ю. Кузнецовым предлагаются следующие требования, определяющие компетентность переводчика:

– одинаковая этническая принадлежность с лицом, которому он назначен оказывать помощь в языке судопроизводства, выраженная в форме добровольной национально-языковой самоидентификации;

– воспитание или получение общего среднего образования в одной с участником процесса, не владеющим языком судопроизводства, этнолингвистической среде (проживание в детстве в местности, где язык перевода является основным языком повседневного общения и, желательно, обучения);

– наличие высшего профессионального образования, полученного в Российской Федерации или на русском языке в одной из республик бывшего Союза ССР (до 1991 г.);

– постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени (желательно, более 10 лет) и наличие опыта публичной или социально ориентированной профессиональной деятельности [14, с. 60–61].

А.Ю. Мищенко предлагает «в роли переводчика по уголовному делу допускать лицо, имеющее высшее профессиональное либо дополнительное профессиональное образование соответствующего профиля, а равно получившее сертификат о знании иностранного языка на уровне, признанном достаточным для осуществления свободного перевода, имеющее опыт работы в качестве переводчика не менее двух лет» [15, с. 244]. И.И. Бунова к этому добавляет, что «переводчик должен знать и уметь переводить не только обычную разговорную речь, но и тексты с учетом их специальной терминологии» [5, с. 206].

Думается, что все вышеперечисленные требования являются явно завышенными, и, если в крупных городах России они еще могут быть частично соблюдены, то в малонаселенных районах страны это невозможно. На практике известны случаи, когда в сельской местности в качестве переводчиков по уголовным делам выступали продавцы с национальных рынков, не имеющие высшего образования, но несколько лет работающие в России.

Поэтому следует согласиться с мнением С.В. Швеца о том, что с практической точки зрения «само по себе участие переводчика в уголовном деле не является гарантией полноценной реализации права участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства, на использование родного языка или языка, которым они владеют. Речь следует вести не столько об участии переводчика в уголовном процессе, сколько о качестве участия переводчика» [25, с. 164].

К сожалению, достаточно часто участие переводчика в следственных действиях является формальностью, обусловленной желанием следователя «перестраховаться» и получить подпись переводчика в протоколе следственного действия. В некоторых случаях переводчик даже не принимает реального участия в процессе общения следователя и допрашиваемого лица, которое недостаточно владеет языком уголовного судопроизводства, однако предпочитает отвечать на вопросы следователя по-русски. В других случаях переводчики, являясь представителями этнических диаспор, по принципу национальной круговой поруки одновременно с переводом осуществляют и юриди-

ческую помощь допрашиваемым малограмотным свидетелям, являющимся их земляками, помогают им лучше сформулировать ответы на вопросы следователя в отношении обвиняемого, также приходящегося им земляком.

Некомпетентность переводчика является основанием для его отвода (ч. 2 ст. 69 УПК РФ). По мнению И.И. Буновой, некомпетентность переводчика «определяется не только недостаточным знанием в области языка, низкой общей грамотностью, отсутствием способности адекватно воспринимать слова или выражения, но и незнанием требований языка уголовного судопроизводства, юридической терминологии, отсутствием развитой речи и кругозора для преподнесения информации, недостатком психологической устойчивости, умения осуществлять переводы юридических текстов и устной речи, производить переводы различного вида, в том числе синхронного, сурдоперевода, необладанием информацией о вопросах организации деятельности правоохранительных органов и правосудия» [5, с. 207]. Кроме того, как отмечает Е.П. Гришина, некомпетентность переводчика может выражаться и в неспособности или неумении синхронно, оперативно донести содержание переводимого текста до адресата [11, с. 104].

Определить некомпетентность переводчика следователю, дознавателю, суду достаточно сложно. Наличие у переводчика диплома о высшем лингвистическом образовании, сертификатов об уровне владения иностранным языком свидетельствует о наличии у него специальных знаний в области соответствующего языка, но само по себе не является гарантией эффективного выполнения своей уголовно-процессуальной функции.

В научной литературе в этой связи приводится интересный пример: институтом стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова было проведено исследование переводов, содержащихся в материалах уголовного дела в отношении П. «Согласно заключению специалиста, переводы были признаны неверными, неточными и ненадлежащими. В частности, отвечая на вопросы, поставленные перед специалистом, последний указал, что отсутствует перевод медицинских и юридических терминов, содержащихся в процессуальных документах, обстоятельства дела изложены переводчиком приблизительно. Кроме того, специалистом была установлена и еще одна ошибка переводчика. В переводе сохранилась смесь тюркских лексических единиц, в то время как тад-

жикский язык относится к персидской языковой группе; выполненные на таджикском языке переводы были неточными и приблизительными, особо выделено отсутствие надлежащего перевода специальных юридических и медицинских терминов. Для обвиняемого это было чревато непониманием сущности предъявленного обвинения, установленных следствием результатов его противоправных действий, выразившихся в телесных повреждениях, повлекших, в дальнейшем, смерть потерпевшего» [12, с. 208–209].

С развитием научно-технического прогресса минимальной гарантией реализации принципа языка уголовного судопроизводства может стать использование электронных переводчиков.

Как отмечается в научной литературе, «обзор практики деятельности полиции США показывает, что подозреваемых иногда приходится освобождать из-за того, что они не могут понять зачитанные по-английски права арестованного, поскольку владеют только испанским или японским языком. Чтобы преодолеть языковой барьер, для правоохранительных и исправительных органов разрабатываются различные технологии перевода устной речи, которые успешно испытываются полицейскими агентствами на местах и заключаются в следующем: в компьютер с помощью микрофона вводится голосовая информация на определенном языке. Компьютер в свою очередь переводит введенную речь на другой язык и затем «произносит» ее» [13, с. 17].

В настоящее время в России в розничной продаже появились персональные (карманные) голосовые электронные переводчики, позволяющие осуществлять автоматический перевод по принципу «голос в голос» на русский, английский, китайский, японский, корейский, немецкий, французский, испанский, итальянский, португальский, голландский языки и другие языки. Например, модель электронного голосового переводчика BRM Electronics STX6 MULTI elite имеет возможность переводить речь с русского на 50 иностранных языков и обратно без подключения к сети «Интернет», а с подключением к сети «Интернет» – на 100 языков [9]. Электронный переводчик при этом может пополняться новыми специализированными словарями или отдельными терминами, например, специальными терминами уголовного судопроизводства. Конечно же, высокая стоимость таких устройств (около 30 000 рублей) не позволит оснастить ими в ближайшем будущем каждого следователя, дознавателя и судью. Но, думается, приобретение подобных устройств может осуще-

ствляться постепенно и со временем позволит совместить функцию автоматического перевода и аудиозаписи устных показаний допрашиваемого лица в цифровой файл (на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по уголовному делу возникнут сомнения в достоверности и точности автоматического перевода), что представляется эффективным средством защиты процессуальных интересов допрашиваемых участников уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Абшилава Г.В. Процессуально-правовые и гуманитарные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.
2. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 56 с.
3. Александрова О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 201 с.
4. Бунова И.И. Возникновение и развитие института переводчика в уголовном судопроизводстве России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4 (18). С. 90–94.
5. Бунова И.И. Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном производстве // Общество и право. 2010. № 3. С. 205–208.
6. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журн. рос. права. 2014. № 10. С. 88–98.
7. Винников А.В. Перевод в судебном уголовном процессе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://otkrmir.ru/sudebnyy-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe>.
8. Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода с цыганского языка уголовных дел о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 31–33.
9. Гришина Е.П. Принцип национального языка судопроизводства в правовых позициях Европейского суда по правам человека и российском законодательстве // Юрист. 2011. № 9. С. 43–46.

10. Гришина Е.П. Реализация принципа национального языка судопроизводства при участии переводчика в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

11. Гришина Е.П. Роль международных актов и решений Европейского суда по правам человека в реализации принципа национального языка судопроизводства в уголовном процессе России // Современное право. 2013. № 8. С. 102–105.

12. Ковалевская Н.В., Волосова М.В. Переводческая эквивалентность в уголовном судопроизводстве: правовая сущность и правовые последствия ее отсутствия // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 207–209.

13. Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 76 с.

14. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.

15. Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.

16. О способах облегчения доступа к правосудию: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 // Совет Европы и Россия: сб. док. М.: Юрид. лит., 2004. С. 676–679.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Эльшада Достали на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 и пунктом 6 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1064-О. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс», 2015.

18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сурхоева Абубакара Саид-Магомедовича на нарушение его конституционных прав статьей 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 665-О-О. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс», 2015.

19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технология», 2003. 944 с.

20. Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе. Ташкент: ФАН, 1974. 90 с.

21. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

22. Состояние преступности за январь–декабрь 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.ru/reports/item/2994866>.

23. Стельмах В.Ю. Некоторые вопросы участия переводчика при производстве предварительного следствия по уголовным делам // Рос. юрид. журн. 2014. № 5. С. 188–197.

24. Темкина В.Л., Антонова А.В., Волосова Н.Ю., Волосова М.В. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: лингвистические, правовые и организационные вопросы // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 187–189.

25. Швец С.В. Механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 162–164.

26. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2005. 416 с.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilyevich – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: marova@mail.ru.